

Что касается до «примечаний» издателя, то всё они—счетом 18—даются весьма и весьма немного. Ни одно из них не содержит больше двух-трех строчек. Мы вправе были ждать от г. Смирнова и по положению, и по прошлым трудам его, обстоятельного и подробного комментария. В некоторых же случаях он просто повторяет Снегирева. — и это замечание падает как раз на самое обширное из его примечаний¹⁾.

Бому может понадобиться подобное издание? Люди, ищущие чтения «занимательного и поучительного», навёрное предпочтут почитать в общедоступную биографию екатерининского иерарха; люди же с более высокими требованиями, ознакомившись с разбираемой книгой, только ослепительно почувствуют необходимость возможно скорее получить неслыханную и полную автобиографию Платона. Быть может, в этой ослепительности и заключается наиболее положительная сторона издания г. Смирнова.

Е. Ш.

Старо-русские солнечные боги и богини. Историко-этнографическое исследование М. Е. Соколова. Сибирскъ. 1887. 8°. 70 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Названная книга не имеет ни предисловия, ни введения, ни даже оглавления: она состоит из 7 глав и заключения, где автор помещает 4 вывода из материала, рассмотреннаго в самой книгѣ. Больше общаго характеромъ отличаются главы 1-я и 7-я; вь начальной дѣлается историческій обзор нашего солнечнаго культа, вь послѣдней говорится о солнечныхъ праздникахъ. Авторъ занятъ вь своемъ изслѣдованіи специально русской миологіей, но не чуждъ и сравнительнаго метода, хотя пользуется имъ довольно своеобразно. Главная дѣль его измѣсканій, сравненій, соображеній состоитъ вь приложеніи къ фактамъ солярной теоріи; культъ солнца, съ его точки зрѣнія, безусловно господствуетъ не только вь русской миологіи, но и вообще вь миологіи арийской семьи. На первой страницѣ книги и на послѣднихъ авторъ рѣшаетъ вопросъ этотъ безповоротно. Перунъ, Торъ, Вевель—все это заимствованные боги, не-арійскіе; Парабрама—кишкая вѣтакимъ способомъ рѣшается путь для догадокъ г. Соколова. Солнечныхъ боговъ на русскомъ Олимпѣ насчитываетъ изслѣдователь очень много, и всё они парные: Хорсъ и Хора; Ярило и Яровича; Купало и Купала; Чурило и Чурильа; Кострубишко и Кострома; Лада и Лада; Лель и Ляли; Журило и Дженджуриха. Вѣроятно, при тщательномъ изслѣдованіи авторъ можетъ сказать и еще столько-же паръ. Характерно вь нихъ, что, вь противность вь миологіи Одиссея у Воеводскаго: Одиссея и Пенелопу, Кады и Гармонию и т. п.)—нашъ авторъ придаетъ и мужчинъ и дамъ вь каждой изъ

¹⁾ Сравни стр. 71 и Снегирева 63. Мы не упоминаемъ о двухъ примечаніяхъ къ тексту предисловія: очевидно, ставя вь заголовкѣ автобиографіи... съ предисловіемъ тона.

паръ солнечный характеръ. Списку своему онъ придаетъ большое значение: такъ на стр. 177 говорить, что этого списка вполнѣ достаточно, «чтобы дать самое вѣское опроверженіе произвольныхъ догадокъ и историческихъ увѣреній Н. И. Карѣева вь отсутствіи богинь вь славянской миологіи». Установленію этого списка посвящена почти исключительно и вся илюстративная и критическая работа автора. Для характеристики ученыхъ его приемовъ возьмемъ хоть 3-ю главу его сочиненія «Хорсъ или Хросъ» (85—95). Авторъ симпатизируетъ здѣсь старымъ историкамъ—Ф. Эмишу и М. Максимовичу, которые полагали, что Хорсъ могъ быть и богомъ войны; чтобы поддержать ихъ онъ предлагаетъ такіе аргументы: а) двойникъ Хорса, другой солнечный богъ Яръ или Ярило также былъ вь одно и тоже время и богомъ урожая, плодородія и богомъ войны, битвъ съ врагами; б) вь словѣ о Полку Игоревѣ Всеславъ вступаетъ вь состязаніе съ Хорсомъ «веле слово о Полку Игоревѣ вѣкомъ путь прерыскаше», а извѣстно, что богатырь обыкновенно вызываетъ богатыря, удалецъ—удальца (88). Доказательства неопытно рискованны!

Слово Хорсъ авторъ выводитъ изъ славянскихъ корней «не праѣгая къ хитроумнымъ, но всегда далеко неуѣдѣтельнымъ соображеніямъ» (89). Этимологія его вь самомъ дѣлѣ очень проста: крьсъ = kres = солнцеворотъ—прямо созвучно съ Хорсомъ; затѣмъ слѣдуетъ соответственное надергиваніе окончаній (ibid.) Всякія возраженія устраняются съ большою легкостью; напр. Прейесъ выставленъ соображеніе, что если конечное s вь словѣ есть признакъ каменнаго надежа, то вь славянскихъ языкахъ онъ долженъ пропасть—кажется, спорить тутъ рѣшительно не съ чѣмъ, но нашъ авторъ протестуетъ: «позвуйте, а овѣс, колосъ, ивасъ? Пускай бы онъ привелъ и шарпанъ и шарпанъ, но замѣчаніе покойнаго слависта будетъ тутъ рѣшительно не при чемъ. На имени Хорса у автора, несмотря на неоднократно выражаемую любовь къ гаданьямъ, распускается цѣлый букетъ предположеній. Хотя слово Хорса, по мнѣнію автора, и произошло отъ корня kres, но оно является на 91 стр. прикосновеннымъ и къ другому корню юр (наше юр-ю), а тутъ рукой подать до нѣмецкаго huren. Ниге слав. курва (91—92), (хотя оно, какъ мы вѣдимъ, и находится вь явной связи съ греческимъ *Νορξ* юв. *Νορξ*). Дальше на 92 стр. къ этой же плеядѣ словъ присоединяется охотничья собака *хортъ* и *корочонъ*».

Вь русскихъ памятникахъ авторъ не нашелъ богини подъ парю Хорсу; больше услужливымъ оказался сербскій Олимпъ; тамъ нашлась Хора—богиня весны и лѣтней теплоты, которую авторъ отождествилъ съ греческой *Корой*. Какъ это не прикинуло онъ сюда и греческихъ Орхъ.

О служеніи древнимъ божествамъ г. Соколовъ вообще говорить довольно мало. На стр. 52 онъ, между прочимъ, замѣчаетъ: «На сколько можно судить по древне-русскимъ памятникамъ, вь древней Руси точно также праздновали Коляду и Овсена, какъ и теперь. Мы встрѣчаемъ обычные вакханаліи, пьянство, развратъ, скomorоховъ, перереженнхъ, гадающихъ. Словомъ, это древне-русское празднество почти во всёхъ своихъ чертахъ удержалось и вь современномъ народномъ быту». Что-же слѣдуетъ изъ этого,

спросимъ мы автора, если это даже такъ? Не показываетъ ли это только, что мы изъ письменныхъ памятниковъ почти ничего не знаемъ о культѣ солнечныхъ божествъ. При упоминаніи отдѣльныхъ солнечныхъ паръ, авторъ дѣлаетъ предположенія относительно ихъ чествованія; все сводится къ пляскамъ и разврату. Это слово авторъ упоминаетъ очень часто и какъ-то слишкомъ ужъ въ унисонъ съ древне-русскими книжниками. Это тѣмъ болѣе странно, что въ своей «странницѣ изъ русской этнологіи» онъ выясняетъ совершенно иначе древніе славянскіе взгляды на дѣвицу, половыя отношенія и бракъ. (103—111).

Нельзя не замѣтить и нѣкоторой своеобразности въ сопоставленіяхъ, чуть только рѣчь заходитъ о выясненіи общихъ мифологическихъ понятій; какъ подобныя явленія, онъ сопоставляетъ напримѣръ, отношеніе юмористическое будто-бы дикаря къ своему фетишу, отношеніе къ мифическому (не скорѣе ли книжному?) Переплуту и (что-бы вы думали?) отношеніе Грековъ къ Гермесу (113). Для автора, кажется, нѣтъ разницы въ Гермесѣ Гомеровской мифологіи и въ богахъ Аристофана. Относительно метода, главное требование автора это рѣшать вопросъ какъ можно проще: вотъ отчетъ, несмотря на всѣ несообразности и противорѣчія. *Дажь-богъ* у него является *Дажь-богомъ* (15); загадочная *Колыда* для него есть просто вознагражденіе колядовщиковъ—хлѣбъ, кишки, колбаса и т. д. (167). *Купало*—отъ слова купаться (174). *Осенъ—овесъ*. Осмысленное народомъ отчество Чурилы Щаленковичъ (отъ *Шанъ—шеголь*), по его мнѣнію, и есть первоначальное и настоящее и почему лучшіе варианты былины даютъ намъ *Панка* Сорожанина—это остается неразъясненнымъ.

На послѣдокъ посмотримъ, откуда попали на Олимпъ солнечные боги г. Соколова, одинъ епископъ которыхъ является уже страшной научной батареей.

Есть тутъ существа неопредѣленнаго происхожденія.

Считаемъ доказаннымъ—говоритъ авторъ—что Купала и Купало не собственные имена весны и солнца; источникъ такого прозвища весны и солнца—обрядъ купанья въ рѣкахъ и источникахъ (174).

Но есть и пристроенныя лица.

Чуриля—игуменя Кіевского женскаго монастыря (148). Чурило—кѣвскій богатырь. Даенджуриха—это типъ, лицо изъ толпы—безхозяйственная безпечная женщина (149). Яровица—одна изъ лихорадокъ трасо-

Сооруженіе русскаго Олимпа такими путями, согласитесь, немножко смѣло. Впрочемъ на послѣднихъ страницахъ сказывается и одна изъ цѣлей этого сооруженія. Мифическія вѣрованья во всей русской народности оказываются совершенно сходными и между формами многа малорусскаго и великорусскаго авторъ открываетъ мимоходомъ промежуточные звенья. «Такъ напримѣръ—говоритъ авторъ—Шенкурскій (Архангельской губерніи) бѣлый мужъ Жубрило является соединительнымъ звеномъ между малорусскимъ Журолюхъ и великорусскимъ Чурилой. Отсюда мы смѣло дѣлаемъ выводъ: всѣ толки о двухъ народностяхъ малорусской и великорусской обя-

заны своимъ происхожденіемъ наивному романтизму и страсти русскіхъ ученыхъ къ фантазированью и оригинальничанью» (177—178). Такимъ образомъ мало извѣстный до сихъ поръ «бѣлый мужъ Жубрило» сыгралъ важную роль—стоило его розыскать, и вопросъ живѣйшей полемики, большой орудіи, пересталъ быть даже вопросомъ, и становится непонятнымъ, зачѣмъ это русскіе ученые осмѣщали его изученіемъ языка лѣтописей, актовъ и т. д. Въ заключеніе авторъ выражаетъ доброе желаніе, чтобы изъ наивнаго и глупаго сознания уничтожились поскорѣе всѣ мифическія черты и дѣлаютъ возможнымъ на какіе-то «искусственные восторги историковъ», которые будто бы дѣлать остатки русскаго язычества (179). Не недоразумѣніе-ли здѣсь? Историкъ и наблюдатель дорожатъ не языческой темнотой и слитностью соціализма въ народѣ, а тѣми эстетическими, нравственными и общественными чертами, которыя неразрывно переплелись съ старыми мифическими нитями.

И. Ан—ій.

Исторія древняго міра. Курсы среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ магистръ русской исторіи Н. Тумасовъ. Спб. 1888. Ц. 1 р. 15 к.

Первое и главнѣйшее достоинство занимающаго наше вниманіе учебника—его языкъ. Изъ нашихъ словъ, однако, не слѣдуетъ дѣлать того вывода, что языкъ этотъ не оставляетъ желать ничего лучшаго. Его преимущество—въ томъ, что онъ—простъ и ясенъ, не пересыпанъ иностранными рѣченіями и можетъ быть вполне понятъ учащимися. Материалъ, бывший въ рукахъ автора, продуманъ и переработанъ здѣсь лично не только, не смѣю, тутъ не павалено сыръя. Отпечатокъ долговременной (24-лѣтней) педагогической дѣятельности автора лежитъ на его трудѣ, добросовѣстное отношеніе къ дѣлу—несомнѣнно. Педагогическія соображенія, руководившія авторомъ при составленіи учебника, вполне симпатичны. Въ учебникѣ, разумѣется, должно быть «какъ можно меньше голыхъ именъ и чиселъ и какъ можно больше живыхъ дѣятелей и событій» (стр. 5). «Возбужденіе интереса къ наукѣ», несомнѣнно,—важная цѣль. И прежде всего она достигается живостью изложенія. Авторъ, не безъ основанія, считаетъ основнымъ правиломъ, которымъ долженъ руководиться каждый составитель учебника, требованіе, заключающееся въ томъ, «чтобы лица и событія были очерчены съ возможною живостью, чтобы учащемуся они казались какъ-бы проходящими передъ его глазами» (стр. 6). Наконецъ, нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что изученіе исторіи должно вліять на учащихся, развивая и питая ихъ нравственныя чувства, возрощая любовь къ отечеству. Что касается примѣненія этихъ требованій на дѣлѣ, мы должны отмѣтить слѣдующее: въ живости изложенія учебнику отказать нельзя, рассказъ ведется непрерывно, соблюдена извѣстная перспектива, благодаря которой выброшены многіе мелочные факты; но намъ кажется, что недостаточно рельефно выступаютъ изъ общаго фона тѣ критическіе моменты въ народной жизни, для изображенія которыхъ—по словамъ автора—«составитель учебника обязанъ призвать къ себѣ на помощь самое могучее и изобразительное слово»... (ibidem). Впрочемъ, говорить объ этомъ насъ побуждаетъ только нѣкоторое несоотвѣтствіе между требованіемъ